
КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ

А. С. ТАЖИЕВ

ДИАЛОГ «ВОСТОК – ЗАПАД» И ВЕЛИКАЯ СТЕПЬ: МОРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ И ДИПЛОМАТИЯ С ДРЕВНИХ ВРЕМЕН ДО СОВРЕМЕННОСТИ*

Согласно распространенной точке зрения, на протяжении веков Степь была местом постоянных игр и борьбы между державами, а также разбойниками-кочевниками, совершавшими время от времени набеги на оседлых соседей. Ученые также рассматривали Великую степь как мост между восточной и западной цивилизациями. Археогенетическая революция последних десятилетий побудила некоторых исследователей пересмотреть ранее игнорировавшиеся скудные исторические свидетельства того, что кочевые империи были богатым источником культуры и технологий для многих народов. Помимо этих аспектов, в данной статье показано, что добродетели представителей Великой степи являлись существенным фактором обеспечения их господствующего положения в Китае, Персии, Индии, Египте, а также в Европе. В этой связи предлагается новая область исследований: моральные ценности Степи и их влияние на формирование системы ценностей других народов. Возрождение гуманистических ценностей общего оседло-кочевого и исламо-христианского наследия жизненно важно для противодействия неолиберальному фундаментализму, гармоничного внутреннего развития, а также для дипломатического решения современных проблем «войны и мира».

Ключевые слова: *Степь, технологии, религии, культура, цивилизации, моральные ценности, Восток – Запад, международные отношения.*

* Статья основана на тезисах доклада автора на научно-практической конференции «Пути достижения межрелигиозного мира: Роль богословов, дипломатов и общественных деятелей», г. Москва, 25 марта 2019 г.

Введение

Контакты между Евразийской степью и внешним миром, особенно с бронзового века до конца XVI столетия, были главным фактором человеческого прогресса. Кочевые и оседлые общины формировались под воздействием одинаковых человеческих потребностей, природных явлений, трагических периодов войн и взаимовыгодной торговли и других факторов. Они во многом заимствовали друг у друга языки, традиции, идеи, навыки, инновации, мировоззрение и религиозные практики. Тем не менее стереотипное восприятие четко разделенных ролей «варварских» и «цивилизованных» народов в историческом процессе сохраняется среди ученых, политиков и, соответственно, общественности на протяжении веков. В статье предлагается рассмотреть такие искаженные представления, в частности, осветив некоторые аспекты исследований гуннов, скифов и других кочевников.

Устаревшие дискурсы начали меняться в связи с археологической и генетической революциями (археогенетика) в Степи в последние десятилетия. Сенсационные открытия, подкрепленные новыми историческими свидетельствами, ошеломляют исследователей, которые продолжают вводить новые факты, источники и данные в научный оборот (Zaibert 2018). Ученые начинают признавать необходимость возрождения в социальных и гуманитарных науках междисциплинарного подхода, который требуется для получения более достоверной информации о культурных и исторических явлениях.

Таким образом, данная работа выделяет два противоположных подхода, применяемых различными субъектами в области науки, политики и дипломатии, которые поддерживают или подрывают межконфессиональный и межнациональный мир. Один фокусируется на стереотипном представлении об «инаковости» культурных традиций, обычаев, а также этническом или расовом превосходстве, и распространяет его. В корне такого подхода лежат невежество и особые политические интересы, вызывающие напряженность и конфликты (например, исламофобию). Второй подход основан на общих исторических, цивилизационных основах, идентичности и ценностях, но пока не получил широкой поддержки в международных отношениях. К сожалению, даже такие влиятельные ученые, как Николай Крадин (Kradin 2006; 2018), представляют новые интерпретации установленных фактов, пренебрегая

альтернативными авторитетными мнениями. Проблема научной беспристрастности усугубляется деструктивными последствиями всеобъемлющего неолиберального фундаментализма и его побочного продукта – неоевроцентризма в гуманитарных и социальных науках (Scott 2019). Поощрение культуры сосуществования и мира во многом зависит от непредвзятого подхода ученых, равно как и от честности политиков, дипломатов и общественных деятелей (если не в большей мере). В следующих частях этой статьи рассматриваются возникающие тенденции, касающиеся альтернативного мирового порядка, который должен в большей степени учитывать трансверсальные ценности, нежели универсальные/«универсализированные» (Cultural... 2006). При этом подчеркивается значимость концепции общей исламо-христианской цивилизации и других подобных гуманистических основ (Bulliet 2004).

В данном контексте утверждается, что контакты в древней Степи характеризовались чаще всего – и вопреки распространенному заблуждению – естественным мирным взаимообменом, взаимными уважением, выгодой и балансом интересов. При рассмотрении темы «Восток – Запад» в новых исследованиях отмечается в целом историческое значение Степи в международных отношениях (Neumann, Wigen 2013). Также ведется обширное изучение социально-экономических и политических вопросов в Центральной Азии. Однако практически отсутствуют системные исследования моральных достоинств степных народов и их влияния на ценности соседних и других народов. Поэтому, освещая некоторые из указанных аспектов, данная статья предлагает новый фокус для исследований: влияние степной традиции и этики на появление трансверсальных ценностей.

Далее отмечается, что только диалог может способствовать истинному пониманию общего цивилизационного наследия и ценностей. Изучение древнего опыта людей, в частности, аспектов взаимодействия народов и культур на Великом шелковом пути, актуально как никогда.

Эта статья посвящена великим сыновьям казахской степи, дипломатам, лингвистам и общественным деятелям: Назиру Тюрякулову, который внес огромный вклад в развитие отношений между Советским Союзом и Саудовской Аравией, и нашему современнику Олжасу Сулейменову, выдающемуся интеллектуалу и знаковой фигуре в деле сближения Востока и Запада. Также необходимо от-

метить переплетение символизма и содержания в том, что политика вновь избранного президента Республики Казахстан Касым-Жомарта Токаева, открывающая исторический этап диалога и справедливости в обществе, будет основываться на глубинных ценностях великих предков казахов. Эти ценности «по-прежнему являются первозданной основой современного государства, которое стремится быть признанным привилегированным *центром* мирных контактов религий и цивилизаций» (Вопога 2010).

Тематическое исследование: хорошие («прогрессивные») и плохие («деструктивные») варвары?

В качестве примера можно привести возродившийся многовековой евроцентристский взгляд на гуннов и другие «азиатские племена», проходящий через всю книгу Томаса Дж. Кроугвелла «Как варварские вторжения сформировали мир» (Craughwell 2008). Она написана скорее в популярном, чем научном жанре: в тексте нет ссылок на мнения, альтернативные автору, сносок и т. д. Тем не менее, учитывая пропаганду и продвижение книги в СМИ как научной, «легкочитаемой и авторитетной», следует рассмотреть ее хотя бы частично.

Например, автор безапелляционно заявил, что вклад гуннов в цивилизацию был «почти нулевым». Книга наполнена его уничижительными суждениями об этих бродяжничающих убийцах-разрушителях, которые не основывали королевств и городов, не открывали новые торговые пути, не создавали ни технологий, ни произведений искусства (*Ibid.*: 37). Читая описание гуннов, можно почувствовать отвращение Т. Дж. Кроугвелла даже к их внешности.

Напротив, «совершенно бесстрашные в битве» викинги были представлены как «проницательные стратеги, искусные поселенцы и полные энтузиазма торговцы». Викинги, как и готы, «по крайней мере, были христианами» (!) и имели красивые голубые глаза и светлые волосы, что, видимо, также подразумевало их цивилизованность и превосходство над другими варварами. Они основали Дублин, Уэксфорд и другие первые города в Ирландии как центры международной торговли и «даже ввели монеты в ирландскую экономику» (*Ibid.*: 12, 18).

По мнению автора, никто не знает, что произошло с гуннами. Помимо фактических ошибок, Кроугвелл чересчур свободно интерпретировал и избирательно использовал данные одного из са-

мых надежных источников об отношениях между римлянами и гуннами – записи историка и юриста Приска Панийского о миссии императорского посольства при дворе гунна Аттилы в 449 г. В них содержатся ценные наблюдения, отличающиеся от описаний Кроугвелла, о характере самого устрашающего противника Римской империи. Например, из этих записей, а также многочисленных научных исследований по данному вопросу читатель может узнать, что, будучи щедрым по отношению к своим людям и гостям, сам Аттила был безразличен к роскоши; спокойный и нежный со своими близкими и родными, он был способен на милость по отношению к пленникам и врагам (Gordon 1993). Помимо этих аспектов, Кроугвелл просто опустил, пожалуй, самую важную часть – рассказ Прискуса об исповеди грека, освобожденного из рабства его хозяином-гунном. Этот рассказ говорит сам за себя: «Он считал свою новую жизнь среди скифов (как они называли гуннов) лучше прежней, среди римлян, а объяснения, которые он привел, были следующими: “После войны скифы ведут спокойную, размеренную жизнь, наслаждаясь тем, что у них есть, и почти никого не трогают”». Это контрастировало с ситуацией, с которой греческий беглец сталкивался в Римской империи – с ее высокими налогами, коррумпированной властью, несправедливостью и дороговизной правовой системы (Priscus n.d.). Умеренный во всем, Аттила проявлял мудрость, комбинируя силу или угрозу ее применения со своими дипломатическими навыками ведения переговоров как с Западной, так и с Восточной империями. Это во многом объясняет, «каким образом король гуннов сумел заставить правителей самых могущественных империй того периода – Рима и Персии – считаться с ним как с равным. После того как его власть была укреплена и спроецирована вовне, лидер гуннов, в целях получения дани и других уступок от своих противников, предпочитал побуждать их к этому мирным способом, заключая соответствующие договоры, а не постоянными грабежами» (Gordon 1993: 16).

Таким же образом скифы, напрямую связанные с гуннами и другими евразийскими кочевыми народами, постепенно завоевали имидж прогрессивных людей и признание из-за поразительных золотых шедевров искусства, работы по металлу и различных инноваций. Так, в 1986 г. советский академик Борис Пиотровский утверждал, что обширный канал культурных коммуникаций, соединяющий Восток и Запад, был жизненно важен для скифов в качестве

доступа к центрам развитой культуры и искусства. Но спустя несколько десятилетий его сын Михаил Пиотровский, директор санкт-петербургского Эрмитажа, описывая артефакты из кургана Аржан-2, отметил, что скифы служили не просто «соединительной трубой» между цивилизациями и культурами: «Это тот оригинальный скифский стиль из Алтайского края, который в итоге пришел в Черноморский регион и, наконец, соприкоснулся с Древней Грецией» (Vagoli 2002). В свою очередь, Анатолий Наглер из Германского археологического института в Берлине разделяет данную точку зрения: «Эти люди были отличными мастерами, что представило скифское качество жизни в новом свете. Отвергнут стереотип, что скифы были просто дикими всадниками и воинами, которые лишь перекочевывали, уничтожая других людей. У них был высокий уровень культурного развития» (Gertsuk 2016).

Почему научная беспристрастность имеет значение

Указанные и другие подобные свидетельства уровня развития скифов могут с новой силой возобновить соперничество на этнической почве за право называться потомками этих великих людей. Соответственно, беспристрастность и точность ученого играют здесь ключевую роль. Например, Стивен П. Данн оценил работу Анатолия Хазанова «Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей» (Khazanov 1994) как «наиболее адекватное отношение к истории и социальной структуре скифов» (Dunn 1978).

Исследование выдающегося советского ученого включало «анализ скифских легенд и традиций относительно их происхождения, семьи и брака, форм социальной организации, существовавших между семьей и государством, социального расслоения и эксплуатации и, наконец, политической структуры различных скифских царств и различий в характере между ними... в контексте других евразийских кочевых групп» (Book Notes 1978). Тем не менее Николай Крадин (Kradin 2006), известный разработкой теории «кочевой альтернативы» государству – «сверхсложного вождества», не включил скифов в свою сравнительную таблицу с информацией о восьми кочевых империях Евразии, определяющей уровень сложности обществ кочевников-скотоводов в сравнении с другими 186 обществами (*Ibid.*). В свою очередь, Кристофер И. Беквит утверждал, что скифы сформировали «первую империю степи»

(Beckwith 2011: 58). Этот факт также отражен в «Британской энциклопедии»: «Скифы основали богатую, мощную империю» (Britannica 2019). Следует отметить, что известное государство-империя кимаков/кипчаков (Дешт-и Кипчак) также не было включено в вышеуказанный сравнительный анализ.

Н. Крадин отмечает, что целью его анализа является не оценка «уровня цивилизованности» кочевников в сравнении с оседлыми людьми, а изучение того, насколько продвинутыми были кочевые технологии по сравнению с технологиями оседло-аграрных цивилизаций. Однако он все же дал такую оценку: «Довольно часто кочевники захватывали наиболее квалифицированную часть ремесленников во время набегов в соседние страны или в ходе завоеваний. Опыт межкультурного сравнения уровня развития ремесленной деятельности в кочевых *обществах* и аграрно-городских *цивилизациях* (курсив мой. – А. Т.) Востока показывает, что кочевники уступали по этому показанию своим оседлым соседям» (Алаев 1982: 8–9).

Более того, в своем недавнем исследовании Крадин прямо утверждает: «Мир-системный анализ показал лишь одну роль кочевников в человеческой истории – они были переносчиками информации между устоявшимися цивилизациями в течение длительных периодов времени» (Kradin 2018).

Продолжающаяся подача устаревшего имиджа номадов, при которой игнорируется ряд источников, а также археологических открытий последних десятилетий, удивляет. В этой связи целесообразно сделать два комментария. Во-первых, со времен повествований Геродота до работ современных ученых накоплено значительное количество научной литературы, подтвердившей, что огромные группы людей в Евразии, которых относили к номадам, фактически вели полукочевой образ жизни. В 2014 г. ЮНЕСКО включило восемь тысячелетних поселений и городищ на территории Казахстана, на отрезке Великого шелкового пути, в Список всемирного наследия. Указанные и другие античные города являются ярким проявлением отношений симбиоза между неоседлыми и оседлыми сообществами.

Примечательна в этом плане и выставка, посвященная художественному наследию Золотой Орды, которая впервые была организована в 2001 г. в Государственном Эрмитаже. Согласно веб-сайту музея, тип культуры, который здесь сформировался, был специфич-

ческим, сочетавшим в себе черты кочевой и оседлой культуры, объединяя достижения разных народов, живущих на территориях Золотой Орды. Среди них были монголы, персы, половцы (куманы), волжские болгары, славяне и многие другие. Большая часть существующих артефактов происходит из мест, где раньше находились города, поселения и курганы Золотой Орды. На выставке представлены в основном предметы из золота и серебра (*всего более 1000*), изготовленные как в степных лагерях, так и в центрах ремесел Золотой Орды.

Во-вторых, из книги классика антропологии Льюиса Моргана «Древнее общество» (Morgan 1877) можно сделать вывод, противоположный тому, который сделал Крадин: оседлые общины уступали по критериям технологического развития кочевым цивилизациям. Это было предопределено «четырьмя событиями первостепенной важности: а именно одомашниванием животных, открытием знаков, использованием камня в строениях и изобретением процесса плавки железной руды» (*Ibid*: 41–42).

Археологические находки и исследования знаменитых ученых Зейноллы Самашева, Виктора Зайберга (Zaibert 2018), Кэтрин М. Линдуфф (Linduff 2008) и ряда других авторов подтверждают, помимо прочего, что все указанные четыре события характерны для кочевых/полукочевых народов ботайской культуры в Северном Казахстане, а также, в различной степени, других частей евразийской степи (*Ibid.*). Морган назвал четвертое изобретение величайшим событием человеческого опыта, от него берет начало основание цивилизации, которое, можно сказать, опирается на этот металл. Затем последовало производство плуга с железной кромкой, более усовершенствованных лопаты и топора. В свою очередь, когда «чистые» оседлые получили от своих соседей эти несравнимо более совершенные орудия, чем их инструменты из дерева и кости, это позволило будущим аграриям перейти от примитивного возделывания почвы к непосредственно земледелию. «Плуг, используемый с тягой животного, может рассматриваться как открытие нового вида искусства. Только тогда и появилась мысль о вырубке лесов под создание обширных площадей для возделывания земли» (Morgan 1877: 27). Это объясняет, почему одомашнивание лошади в ботайской культуре около 5500 лет назад, а также изобретение стремени сравнивают по воздействию на человечество и прогресс с изобретением Интернета и смартфона, если не более того.

На этом фоне казахи будут шокированы, узнав, что их страна была лишена Крадиным (Kradin 2018) еще и «авторства» кочевого образа жизни. Он заявил: «На сегодняшний день вопрос о происхождении кочевничества однозначен. Кочевой образ жизни зародился в Восточной Азии примерно на рубеже 2–1 тыс. до н. э.», на территории Северной Монголии, Китая и современной России (*Ibid.*).

Данное утверждение противоречит общепризнанным фактам, вошедшим в научный оборот сравнительно давно. Анатолий Хазанов (Khazanov 1994) в своей книге «Кочевники и внешний мир» даже не рассматривал Восточную Азию как один из потенциальных регионов происхождения кочевников (*Ibid.*). Другие исследователи также зарегистрировали, что распространение кочевых навыков и образа жизни в целом из Северного Казахстана и Алтая в Монголию заняло несколько веков.

Виктор Зайберт подчеркнул: «Степная система жизни дала миру много нового. Степь была не просто коридором (соединяющим страны), как об этом писали в XVIII и XX вв., но породила инновации, распространяя их по всей Евразии. В этом была великая миссия наших степных и древних культур» (Kazinform 2018). В то же время, по словам Дэвида М. Каливаса, 40 лет назад Оуэн Латтимор уже представлял кочевые общества как источник культуры – признание, которое обычно предназначалось для частного клуба цивилизаций. «Это выводит работы и идеи Латтимора в качестве противовеса этноцентрическим концепциям и бросает вызов евроцентричным, а также синоцентрическим представлениям о евразийских цивилизациях» (Kalivas 1995).

Довольно любопытно, что не только Н. Н. Крадин, но и Т. Дж. Барфилд (Barfield 1989) и некоторые другие ученые никогда не упоминали, не говоря о том, чтобы попытаться оспорить, например, следующее мнение признанного авторитета в евразийском востоковедении Питера Б. Голдена: «Из предметов, найденных в курганах этих людей, мы видим, что это была динамичная и богатая цивилизация. Их политическая, военная и общественная организация была на одном уровне с той, которая наблюдалась у завоеванных ими народов, если не превосходила его. Более того, у многих алтайских кочевых народов была письменная литература – отличительная черта всех развитых народов» (Golden 1980: 13).

Как показано выше, одно дело – попытаться прояснить аспекты исследования, необходимые для получения дополнительных фактических данных, их последующей правильной интерпретации и так далее, чтобы убедить в этом научное сообщество. Не менее трудным всегда было распространять восстановленные знания среди политических и общественных деятелей, особенно если те больше руководствуются своей «повесткой дня». Но указанная задача становится почти нерешаемой в нынешней «новой реальности» фальшивых истин и морали, пронизывающих все сферы человеческой деятельности, включая науку.

Неолиберализм, невежество и «культура» войны

Вездесущность неолиберального порядка считается самым большим препятствием на пути к прогрессу Знания. Основным принципом неолиберализма является обеспечение перехода на рыночные отношения всех экономических, социальных, политических, научных и даже духовных составных частей человеческой деятельности. Осквернение веры, а также дегуманизация религиозных, этнических и других социальных групп стали частью внутренней и внешней политики ряда стран. «Разрушение Церкви сопровождалось постепенной деконструкцией ее идеологии и осквернением ее традиционного нравственного опыта» (Hashem 2004). Многие из тех 98 % американцев, которые, согласно опросам, всего 50 лет назад верили в Бога, перестали ходить в церковь и сделали своей «верой» неолиберальное «идолопоклонство деньгам и диктатуре», где «вся суть человека сведена к одному: потреблению» (Evangeliu... 2013). В результате «светской религиозности» общественных наук (Hashem 2004) последняя является слугой правящего неолиберального политического класса на Западе. Значительный объем научной литературы посвящен проблемам идеологического доминирования и даже «неолиберального расизма» и «неолиберального фашизма», которые уходят корнями в 1970–1980-е гг.

Представляется, что в основе нынешнего и будущего мирового порядка лежат две концептуальные проблемы, которые требуют дальнейшего рассмотрения. Первое – это вопросы жизнеспособности неолиберальной системы, зародившейся в 1970-х гг., а также способности геостратегии Збигнева Бжезинского для «технотронной эры» по-прежнему обеспечивать глобальное господство Со-

единенных Штатов Америки (Brzezinski 1970). Они связаны с тем, что видение данного автора, отраженное в книге «Великая шахматная доска», предполагает «предотвращение сговора между вассалами и сохранение их зависимости от общей безопасности, сохранение покорности подчиненных, обеспечение их защиты и недопущение объединения варваров» (*Idem* 1997: 40). Подобные технократические концептуальные рамки, описывающие исключительность сверхгосударства как символа общего (западного) культурного и идеологического наследия человечества, нашли отражение в книге Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории и последний человек» (Fukuyama 1992). Сэмюэль Хантингтон, в свою очередь, предположил, что основной источник конфликта будет иметь культурный признак и что основные конфликты глобальной политики будут происходить между нациями и группами различных цивилизаций (Huntington 1993). Следует отметить, что критическая масса исследований по теме исключительности США подчеркивает центральность темы расовых различий во всех начинаниях государственного строительства в Соединенных Штатах, причем исторически «граница проходила, в буквальном и переносном смысле, по линии раздела между цивилизацией и дикарями...» (Scott 2019: 15). Четыре компонента американской силовой исключительности: жесткость, хватка, расизм и гиперационализм – были определены как «неизменные координаты национализма США» (*Ibid.*: 7).

Постоянно изменяются лишь причины, лежащие в основе оправдания лозунга «Америка прежде всего» и цивилизационной миссии этой страны за рубежом. Даже мультикультурный проект был разработан в неолиберальную эпоху для того, чтобы показать: «...мультикультурное патриотическое разнообразие совместимо с оказанием поддержки американской власти» (*Ibid.*: 16). Таким образом, вышеупомянутые и другие признанные современные философы и политологи, которые якобы были оппонентами друг друга – как их представляли в политических и общественных кругах, – имели одну общую важную функцию: они создавали «морально узаконивающие структуры», помогавшие заручиться общественным согласием. Это же применимо к сфере внешней политики, включая генерирование необходимых эмоций у публики для получения если не ее поддержки, то безразличного отношения к применению насилия.

Вторая проблема, по нашему утверждению, заключается в том, что сегодня именно указанные «моральные структуры» и являются линиями разлома западного истеблишмента. В 2008 г. провал финансовой элиты привел к кризису элиты политической, не сумевшей привлечь банкиров к ответственности. В свою очередь, он перерос в глубокий кризис доверия во всем мире, так как общественность не могла доверять морально коррумпированным властям. В конце концов сам Фукуяма объявил Америку «несостоявшимся государством» (Fukuyama 2016). Учитывая, что «неолиберальная рациональность» расширила и распространила рыночные ценности на все институты и сектор социального действия, многие ученые считают, что Америка и Запад в целом потеряли моральный авторитет, необходимый, чтобы вести человечество к «прогрессу», определяемому к тому же лишь коммерческими категориями (Brown 2006: 39, 40). Последние создали новую реальность, которая отражается в знаменитом соотношении «1 % против остальных 99 %» беспрецедентно несправедливого распределения национального благосостояния. Согласно одному из определений прогресса, «страна или население осознают прогресс, когда изменение приводит к одному из следующих факторов: увеличение продолжительности жизни, снижение младенческой смертности, снижение заболеваемости, расширение возможностей людей, большее равенство, большая свобода или снижение страха перед другими людьми или перед своими собственными правителями» (Mencken n.d.). Более того, истинный прогресс определяется как прогресс Знания. Неолиберальная система же, наоборот, привела к кризису «псевдоправды», разрушению социальных норм, а «недоверие и подозрения специалистов и экспертов начали отравлять все большее экологическое пространство знаний и практики в нашем обществе» (Enfield 2017).

Моральные ценности и «переформатированный капитализм»

Несмотря на то что глобализация является впечатляющим проявлением человеческих достижений, особенно в сфере информации и телекоммуникаций, стало очевидным, что этот процесс должен быть «менее экономичным и более гуманизированным». Для того чтобы сдерживать и контролировать современный крайний индивидуализм, движимый только погоней за ростом и прибылью, миру нужна альтернативная система моральных ценностей, основанная

на солидарности, сострадании, уважении к другим и учете культурных факторов. Такая система, в которой ценилась бы честность, где значимость людей определялась бы не получением личной выгоды от них, а пользой, которую они приносят обществу. Дискуссии по некоторым из указанных и многим другим критически важным вопросам развернулись в период после окончания холодной войны, когда международное сообщество стремилось выработать новые, правильные подходы в международной политике.

Сравнительный анализ «азиатских ценностей», «сетевого капитализма», «азиатско-тихоокеанского века» и связанных с ними проблем, таких как альтернатива западному модернизму, выполненный Ту Веймином, представляет особый интерес и заслуживает всестороннего изучения. Он отметил, что движущей силой *повторной конвергенции* в Азии – в отличие от конвергенции, означающей, что остальной мир будет сходиться на современном Западе – было конфуцианское гуманистическое наследие. Первый символ в «Аналектах» Конфуция – это «обучение» (*хуе*), что объясняет успех современной «обучающейся цивилизации» Восточной Азии (Cultural... 2006: 8–9).

Столкнувшись с вызовом жизнеспособности европейских цивилизаций, страны Восточной Азии попытались справиться с ним, внедрив концепцию «Богатая нация и мощные вооруженные силы», которая впоследствии трансформировалась в «Восточную этику и западные технологии». Последнее означало изучение и принятие технологических наработок Запада, оставаясь верным духовным и моральным ценностям Востока (*Ibid.*: 135–136).

Из этой и последующих частей анализа Ту Веймина 1990–2000-х гг. можно получить определенную картину циклического, сложного взаимодействия азиатских традиционных и современных теорий и практик. Вначале происходило осознание неадекватности местной культурной системы по сравнению с западной, что позволило странам региона достичь немыслимого для того времени уровня демократии и социальной справедливости. Цивилизация Восточной Азии даже отказалась от многих своих обычаев. Затем она снова стала одним из мировых экономических лидеров, в то время как вестернизация переживала спад. Сегодня, когда Восточная Азия сталкивается с острыми проблемами неолиберальной эпохи, ей снова необходимо выработать четкое представление о том, в каком направлении она хочет теперь развиваться.

Поразительно, что анализ Ту Веймином трансформации системы ценностей в Восточной Азии практически полностью применим к постсоветским государствам в Евразии. Со времени обретения независимости некоторые из них достигли прогресса в развитии рыночной экономики и получили высокую оценку международного сообщества, как в случае с Казахстаном. В 1990–2000-х гг., выстраивая новые социальные отношения и стремясь полностью избавиться от авторитарного наследия, новые независимые государства «просто обратились к готовой культурной модели, обеспеченной западным синтезом» (Cultural... 2006). Но вместе с капитализмом кланового типа, сопровождающимся повсеместной коррупцией, социальной дезинтеграцией и неравенством, возник феномен, несовместимый с национальными традициями и менталитетом: тревожные показатели самоубийств среди молодежи, разводов, брошенных детей и пожилых людей. Как и страны Восточной Азии, Казахстан должен решить, в каком направлении теперь двигаться. Новое руководство страны выразило решимость восстановить социальную справедливость, что должно быть и, уверен, связано с программой «Рухани жангыру» («Модернизация общественного сознания»), нацеленной на возрождение национального духовного наследия и его объединение с современными приоритетами. Справедливость, социальная солидарность и взаимная поддержка были основополагающими моральными ценностями предков современных казахов на протяжении тысячелетий, по крайней мере до разрушительных колониальных царских и советских периодов.

Подобная интерпретация культурно-социальных изменений верна и для Ближнего Востока. В этом контексте следует отметить впечатляющую точность прогноза в секретном документе Совета по психологической стратегии президента Трумэна, озаглавленного «Инвентаризация деятельности правительства США и частных организаций в отношении исламских организаций как аспекта зарубежных операций» (1957 г.): «Будущее направление развития ислама неясно, учитывая негативное влияние Запада и технологий на мусульманские страны. Увлечение материализмом подрывает мусульманские моральные и этические ценности, оставляя многих людей дезориентированными. Интеллектуалы в каждой мусульманской стране ищут ответы, и если не будет достигнут компромисс между исламскими принципами и текущими социальными и политическими тенденциями, духовные ценности ислама будут

утрачены, а движение к материализму ускорится» (Bulliet 2004: 100).

Таким же образом теперь важно рассмотреть перспективу «Другого», то есть человека с Запада. В последние годы наблюдаются обнадеживающие тенденции: по обе стороны Атлантики появились предвестники новой политической экономии – более справедливой, более равноправной и основанной на общественных принципах (Beckett 2019). Это не просто ощущение, что что-то пошло не так с принципом «рынок все решит». Согласно документу *Community Wealth Building*, стратегии местного экономического развития, представленной британскими левыми силами перед публикацией осенью 2019 г. «Прогрессивного обзора IPPR», наблюдается «явно растущий системный кризис, который выражается в том числе в углублении социальных и экологических проблем и угасании неолиберальной экономической модели, продолжающей генерировать опасное неравенство в распределении богатства и власти». Поэтому «нам нужно двигаться в противоположном направлении, организовывая деколонизацию наших демократических институтов и их восстановление на основе подлинно демократических ценностей и опыта» (O'Neill, Guinan 2019). Смысл идеи, которая набирает силу в Соединенном Королевстве и Соединенных Штатах, состоит в том, чтобы выйти за рамки неолиберальной, чрезмерно «технократической и экстрактивной модели местного самоуправления» и перейти к Обществу Равных. Более того, эта идея «находится на острие глобальных устремлений, нацеленных на то, чтобы донести радикально новую повестку дня» до государственной власти на национальном уровне (*Ibid.*).

**«Что пошло не так?», «Что произошло потом?»
и куда теперь двигаться. Трансверсальные ценности**

Поскольку ситуация на национальных уровнях созревает для больших изменений, многие заинтересованные стороны могут быть теперь готовы рассматривать, обсуждать и принимать соответствующие глобальные концепции и стратегии, которые были представлены ранее. В частности, это относится к концепции выдающегося ближневосточного ученого Ричарда У. Буллиета (2004) «исламо-христианская цивилизация», которая заслуживает тщательного изучения для принятия необходимых решений. Вышеизложенные «постнеолиберальные» взгляды, которые формируются как на Во-

стоке, так и на Западе, частично совпадают с некоторыми взглядами данного автора. Существует определенная ирония в том, что задаваемый сегодня вопрос «Что пошло не так?», на который ищут ответ в контексте краха западной неолиберальной системы, в течение нескольких десятилетий был отправной точкой для дискуссий о неудачах современного Ближнего Востока. Буллиет утверждал, что правильнее было задавать вопрос «Что произошло потом?», чтобы понять, почему и где пути мусульманских и христианских обществ, «братьев и сестер», разошлись в XVI в. (Bulliet 2004).

Используя примеры противостояния модернизаторов против традиционалистов в Турции, ухудшения системы образования в Египте и другие образцы «светских реформ» в регионе, Буллиет продемонстрировал, как возрастала роль ислама по мере того, как светские государства на Ближнем Востоке проявляли неспособность обеспечить развитие демократии. «Правящие реформаторы и их советники полагали, что цель достижения паритета с Европой не может быть достигнута без предварительного максимального укрепления авторитарной власти, а это означало уничтожение оппозиционного потенциала, представленного шариатом и улемами» (*Ibid.*: 73). Это дало обратный эффект в форме «общественного признания религиозных лидеров – несмотря на то, что те и были лидерами нового типа... в качестве противников тирании» (*Ibid.*: 75).

Р. У. Буллиет утверждает, что ислам совместим с демократией или экономическим ростом. Ошибкой было навязывание особых «универсальных ценностей» на Ближнем Востоке силой, например, в период после холодной войны. По словам исследователя, ислам и христианство имеют общую духовную основу, в то время как «настоящее разделение происходит между обществом, в котором личность мотивирована духовными и этическими ценностями, и обществом, в котором индивид является инструментом материалистического государства» (*Ibid.*: 99). Поскольку ислам и Соединенные Штаты имеют совместимые ценности, следовательно, причина текущих конфликтов заключается в политике принуждения.

Как указано выше, более пятидесяти лет назад политическое руководство США уже имело точный анализ положения дел на Ближнем Востоке. В тот документ вошли и факторы, определенные как благоприятствующие сотрудничеству с Западом: общие убеждения, противодействие атеизму, естественное дружелюбие по отноше-

нию к незнакомцам, а также несколько факторов, препятствующих такому сотрудничеству (Bulliet 2004: 100). Кроме того, в соответствии с рекомендацией Совета по психологической стратегии президента Трумэна, в ведущих американских университетах были учреждены региональные исследования. Однако «основатели ближневосточных исследований проигнорировали рекомендации сосредоточить деятельность на вопросах современного ислама и вместо этого сфокусировали внимание на ближневосточных представителях, пытающихся вести себя как западные люди» (*Ibid.*: 103). Автор, будучи сам студентом, изучавшим Ближний Восток, рассказал о том, как теоретики университетов, охваченные идеей арабской модернизации по западной модели, в обучении студентов исходили в целом из нерелевантности ислама (*Ibid.*).

Результат такого обучения на протяжении длительного периода проявляется в двойственном эффекте на политический истеблишмент и общественность: например, «сама идея создания мусульманской политической партии пугает большинство американцев, даже несмотря на то, что партии под названием “Христианские демократы” формируют правительства в нескольких европейских странах. Если посмотреть на ситуацию ближе к дому, то многие из тех, кто хочет, чтобы ислам был вне политики, поддерживают политическую деятельность христианских фундаменталистских групп в Соединенных Штатах и/или еврейских религиозных партий в Израиле» (*Ibid.*: 126). Сегодня исследования Буллиета о научном невежестве в области теологии, которое длится уже несколько десятилетий, могут быть подтверждены новаторскими результатами исследования антимусульманской индустрии ненависти, проведенного в 2011 г. Центром американского прогресса, в котором основное внимание было уделено 25 наиболее активным фигурам, занятым антиисламской риторикой. Только один (4 %) из этих людей, представляемых в качестве ведущих специалистов страны, имел квалификацию, которую можно приравнять к эксперту по исламу. Большинство же не имеют даже высшего образования в области исламских исследований (Not Qualified 2012). В результате люди, которых Вашингтон поддерживал в регионе как проводников модернизации, стали тиранами, а их общества – полицейскими (Bulliet 2004: 123). С 1950-х гг. американские политики неправильно истолковывали ситуацию в мусульманском мире и, как следствие, неправильно с ним обращались.

В качестве альтернативы Запад должен начать уважать ценности исламских обществ, а не пытаться их изменить, и опираться на прочную основу общей исламо-христианской цивилизации. Важно отметить в последней наличие факторов, подобных факторам в концепции «Степь – внешний мир»: по аналогии с оседлыми и кочевыми общинами мусульманские и христианские общины, возникшие в одно и то же время, проходили одни и те же стадии развития, сталкивались с одинаковыми внутренними проблемами, заимствовали друг у друга различные культурные элементы, в том числе моральные, этические нормы и т. д.

Таким образом, эти выводы подчеркивают значимость *трансверсальных* ценностей – как сочетания лучших добродетелей и этических норм, составляющих нематериальное наследие общей цивилизации – по сравнению с универсальными. В некоторых исследованиях утверждается, что более недостаточно «характеризовать свободу, рациональность, верховенство закона, права человека и достоинство личности как “универсальные” ценности, в то время как справедливость, сочувствие, праведность, вежливость, ответственность и социальную солидарность относить лишь к “азиатским ценностям”» (Cultural... 2006: 12). Можно также предположить, что исследования под таким углом зрения позволят получить новые данные и концепции, необходимые для лучшего понимания указанного, недостаточно изученного контекста диалога «Восток – Запад».

Там, где Восток встречается с Западом: «великая игра», религиозная терпимость и мир

Ученые тщательно исследовали «Великую игру» – соперничество между Британской и Российской империями в Центральной Азии – от ее истоков до современных проявлений. Например, объясняя попытки положить конец вековой изоляции Российского государства, препятствовавшей получению статуса новой крупной державы, Петр I подчеркнул геополитическую важность казахской степи: «Несмотря на то, что киргиз-кайсацкая Орда является степью и люди там ненадежны, эта же Орда является ключом и воротами для всех в азиатские страны» (Ханыков 1852: 15; Donnelly 1975: 212–217). В наши дни количество научных работ, посвященных разновидностям «игр» в духе евразийской геостратегии для США Збигнева Бжезинского, выросло в геометрической прогрессии. Также проводились исследования по социально-экономиче-

ским и политическим вопросам, связанным с Центральной Евразией. Некоторым авторам удается исследовать традиции и мировоззрение кочевого народа и «центральность Центральной Азии» для международных отношений (Frank 1992: 43; Neumann, Wigen 2013: 311–330).

В то же время практически не проводились исследования, в которых изучалась бы предлагаемая здесь тема (или в которых привлекалось бы к ней внимание): влияние системы ценностей степных народов на ценности соседних и других народов. Этот новый подход продиктован тем, что ученые объясняли успешные завоевания кочевниками огромных территорий только их жестокостью, воинственностью и военными навыками. Кроме того, в значительной части научной литературы утверждается, например, что цивилизационная миссия европейских и Российской империй («центров») заключалась в привнесении моральных и этических норм на земли племенных народов («периферии»), что якобы было естественным и соответствовало мир-системному подходу. Такие разъяснения неубедительны по нескольким причинам.

Во-первых, они противоречат общеизвестному факту: империи могли управлять и поддерживать себя только тогда, когда сила применялась одновременно с идеологией. Подтверждением тому является феномен «крупнейшего по территории государственного образования в истории», Монгольской империи. Кочевые ценности как часть имперской идеологии разделяли все подданные, они стали для монголов в какой-то мере моральными ценностями. Во-вторых, задокументированы также различные случаи «цивилизации в обратном направлении», то есть от «варваров» к «цивилизаторам» (Osterhamme 2006). Наконец, можно предположить, что, аналогично вышеприведенному сравнению технологического и культурного развития кочевых и оседлых народов, сравнение их моральных ценностей также показало бы, что кочевники стояли на одном уровне с земледельцами, если не превосходили последних. Это относится как к моральным обязательствам (в религиозных рамках), так и к моральным достоинствам человека (чертам характера, которые определяют нравственно хорошие или достойные восхищения понятия).

«Казахи тоже всегда были мирными людьми, воевавшими, когда были вынуждены это делать, с великим мастерством, но они предпочитали войне умелую дипломатию и торговлю, основанную на развитии отношений. Степь научила их этим ценностям. Никто

не мог вести войны в степи посреди беспрецедентной евразийской зимы и ее, очевидно, бесконечных ночей неумолимой тьмы и холода. В такой среде само выживание всегда было вызовом для физических возможностей человека» (Walters 2019). Это объясняет, почему философ и экономист XIV в. Ибн Халдун, признанный многими отцом социологии, разработал концепцию социальной сплоченности или групповой солидарности – *асабии* на примере отношений братства между элитными воинами класса мамлюков-кипчаков родом из степи в Султанате Египта. Ибн Халдун в своем труде «Аль-Мукаддима» пришел к выводу, что степень силы этого родства является основным фактором, который определяет стабильность государства или империи, а также циклический характер их взлетов и падений. Помимо *khushdash|yah* (братства по оружию), он восхищался другими сильными качествами кипчакских мамлюков: «Мамлюки приняли ислам с решимостью истинных верующих, в то же время сохранив свои кочевые добродетели, не оскверненные пороком похотливых удовольствий» (Mazog 2015). Мамлюки установили уникальное правление, систему, которая давала возможность прихода к власти и вознаграждения ее членов на основе их личных заслуг: навыков, достижений, авторитета – вместо системы наследования, которая ранее была широко распространена в регионе.

В книге Селии де Анка «За границами трайбализма. Управляя идентичностью в разнообразном мире» отмечается, что берберы и арабские бедуины из пустынь самого дальнего западного участка Евразийского степного пояса также сыграли важную роль в укреплении социальных связей исламских империй. Их «объединяют одни и те же характеристики: строгий моральный кодекс с акцентом на уважение. Во многих отношениях кочевники разделяют некоторые ценности североевропейцев; они благочестивы и строги; отвергают роскошь и расточительство, испытывают сильную любовь к природе» (de Anca 2012: 223–224). В этом контексте Селия де Анка подчеркивает, что «номады Центральной Азии были особенно важны для исламского мира, в частности, монголы и тюрки из алтайской языковой семьи. Имея такие же добродетели, что и у кочевников южных пустынь, они к тому же обладали особыми качествами» (*Ibid.*: 223–224).

Среди последних исследователи отмечают культуру толерантности и сосуществования, наследственного признака тюркских ко-

чевников. В качестве примера целесообразно привести описание Гарри Норрисом посещения Крыма знаменитым путешественником Ибн Баттутой: «Хорошо известно, что среди кипчаков и других мусульман Крыма того времени были ученые и суфии, жившие по соседству с караимами и восточными христианами». Ибн Баттута также особо упоминает среди них «христиан-кипчаков» (Norris 2004). Такое сосуществование, сохранившееся на протяжении беспокойных столетий, можно было наблюдать и позже, когда караимы, армяне и мусульмане Золотой Орды жили бок о бок в крепости Чуфут-Кале, недалеко от последней крымско-татарской столицы Бахчисарая. Наблюдения Ибн Баттуты показывают некоторые неортодоксальные черты того человеческого контакта и диалога между конфессиями, которые исповедовались или были разрешены в Крыму (*Ibid.*).

Такая толерантность сочетается с культурой сосуществования, они рассматриваются как признанные характеристики столицы Золотой Орды Сарая. Крымский полуостров на протяжении многих веков был плавильным котлом культур. Во времена Золотой Орды эта особенность ее жизни расширялась с точки зрения географических параметров и углублялась за счет использования разрозненных духовных источников. Происхождение последних нужно искать на Востоке, особенно в землях между Кавказом, устьем Волги и Центральной Азией (Norris 2004).

Высокие моральные качества людей Степи описываются в книге Адриэнн Мэйор «Амазонки»: «Универсальный поиск баланса и гармонии между мужчинами и женщинами, созданий, которые одновременно так похожи и так различаются между собой, лежит в основе всех преданий об амазонках» (Maуог 2016: 11). Интересно, что хотя многие ученые до сих пор ссылаются на «мифы» или «сказки» во всех случаях, касающихся амазонок, автор привел убедительные аргументы в пользу того, что они реально существовали: «Образы независимых женщин Скифии глубоко переплелись в сознании греков уже более чем за двадцать пять сотен лет до того, как современные археологи и классики начали понимать, что женщины-воины действительно существовали и влияли на греческие традиции» (*Ibid.*: 12).

Археологические находки в Казахстане показали, что из шести «золотых людей», включая знаменитого скифского «золотого воина», обнаруженного в 1969 г. в городе Иссык (существуют предпо-

ложения, что это женское захоронение, а не мужское), двое были «золотыми принцессами». Военственные кочевые общества, где женщины были равны по статусу мужчинам, потрясли и очаровывали греков и другие современные европейские народы, которые сами относились к женщинам как к собственности и обращались с ними соответствующим образом. Очевидно, следует также учитывать, что папа Иоанн Павел II во время своего визита в Казахстан в 2001 г. (автор имел честь принять участие в организации визита) назвал эту нацию «примером гармонии между мужчинами и женщинами», «страной, в которой мир может видеть согласие и гармонию между различными народами – красноречивый призыв ко всем людям жить вместе в мире, открытости и в процессе познания друг друга...» (Kazakhs... 2005).

Как было показано в рассказе Приска Панийского, гунны вели в основном мирный, размеренный образ жизни. Последние данные подтвердили, что они и подданные Римской империи жили бок о бок, и не обязательно в «конвульсиях насилия». Доктор Сюзанна Хакенбек из Кембриджского департамента археологии на основе нового археологического анализа предполагает, что «гунны могли привнести образ жизни, который переняли некоторые фермеры в данном регионе, и при этом сами учились у местных жителей, оседая среди них... Похоже, что эта новая информация выявила определенную степень сотрудничества и сосуществования людей, живших в пограничной зоне. Отнюдь не столкновение культур, а чередование образов жизни могло быть для них страховым полисом в нестабильные политические времена» (Hakenbeck *et al.* 2017).

В предыдущих разделах обсуждалось, что привлекательность степного кочевого образа жизни для оседлых людей может объясняться рядом взаимосвязанных факторов. Беспрецедентные воинские навыки, технологии, шедевры из золота и серебра, а также такие эгалитарные ценности, как справедливость и солидарность номадов, – все это шокировало и приводило в восторг земледельцев. В то же время обе общины не просто обменивались товарами, они заимствовали друг у друга обычаи, языки и культуры в целом. В пограничных зонах два общества сливались друг с другом, объединение культур, языков и ценностей могло даже привести к общей идентичности.

Другой областью первостепенной важности, из которой исходят все другие приоритеты человеческой деятельности и которая

не могла быть «предметом компромисса» в древности, является религия. Для указанных двух общин были свойственны разные мировоззрения, что обусловлено естественными факторами, специфическими для каждой из них: способами производства, образом жизни и т. д. В то же время на ощущение кочевниками чувства собственного превосходства над соседями-соперниками-партнерами мог влиять тот факт, что первые верили во всемогущего *Тенгри* (существует ряд исследований, свидетельствующих, что эта религиозная система лежит в основе монотеизма), в то время как современные им европейские оседлые народы были язычниками и идолопоклонниками.

Кристофер П. Этвуд подчеркивает, что религиозная политика варваров предвосхитила Просвещение второго века цивилизованного общества: «Но именно религия Шынгыса [Чингис] больше всего заслуживает нашего восхищения и оваций. Католические инквизиторы Европы, которые с жестокостью защищали всякий вздор, могли быть посрамлены примером варвара, который предвосхитил уроки философии и создал свои законы системы чистого единобожия и совершенной толерантности. Его первой и единственной заповедью о вере было существование единого Бога, Творца всего сущего, заполнившего своим присутствием небеса и землю, которые он создал своей властью» (Atwood 2004).

Этика степной дипломатии как образ жизни и способ решения проблем

Повсеместное проявление дипломатии между оседлыми и кочевыми империями было естественным явлением, поскольку они должны были постоянно иметь дело друг с другом по вопросам «войны и мира», как на тактическом, так и на стратегическом уровне. Следует отметить, что инициатива такого общения часто исходила от оседлых людей. Например, Римская империя отправила два посольства к тюркским ханам, соответственно в 568 и 576 гг. н. э. – при зарождении Первого Тюркского каганата (Bury 1897: 417).

В свою очередь, исследование Мари Фаверо «Золотая Орда и мамлюки» (Favegeau 2018) развивает тему обмена дипломатическими посланниками между этими двумя субъектами в течение почти двух столетий. Оспорив традиционные взгляды на «мамлюко-

джучидскую дипломатию» как непрочный союз, ее анализ показал, что два лидера, хан Берке и султан Бейбарс, осуществляли полноценную внешнюю политику. «Джучиды и мамлюки разделяли политические и экономические цели, они формализовали и защищали взаимнообмены на основе договоров и достигнутых договоренностей, а также пытались координировать свои стратегии, чтобы противостоять изменяющейся политической среде. Они разработали формы коммуникации между обществами с различными языками и традициями. Верили, что дипломатия может изменять положение вещей, и использовали ее в этих целях» (Favereau 2018). Соответственно, «долгосрочные отношения Мамлюкского султаната и Золотой Орды оказали сильное влияние не только на обе империи, но и на весь межрегиональный баланс» (*Ibid.*). Изображение двуглавого орла, найденного на монетах в различных местах территории Золотой Орды, могло быть символом проекции силы указанного альянса на Восток и Запад. Интересно, что двуглавый орел, смотрящий одновременно на две противоположные стороны света, является официальным гербом России на протяжении веков и связывается с традициями Византийской империи.

Четыре купола храма Святого Николая Чудотворца в Москве украшают кресты, а центральный купол – крест и полумесяц. Последний «комбинированный символ», по мнению некоторых экспертов, напоминает о том периоде истории России, когда христиане и мусульмане молились в общих храмах.

Вышеуказанные примеры являются удивительным доказательством того, что люди, жившие бок о бок на протяжении веков, развивали взаимоотношения, основанные на взаимном уважении и взаимных интересах. Последние, ставшие основополагающими принципами дипломатии в древности, к сожалению, в значительной степени оказались ослаблены и не поддерживаются сегодня. «Если мы не будем смотреть на дипломатию исключительно с точки зрения государственного управления, тогда станет возможным переход к этике дипломатии как к образу жизни. То очень значительное, что было получено нами от гуманистической культуры, – это идея сосуществования и обмена» (Constantinou 2013). Данная идея отражает то, как мы вместе живем и относимся к другим, а также делимся с ними материальными и духовными мировыми ресурсами (*Ibid.*).

Переход от монолога к диалогу

В предыдущих разделах обсуждались некоторые аспекты диалога «Восток – Запад», связанные с моральными ценностями различных культур и их взаимным влиянием. В этом плане дипломатические отношения играли и играют особую роль в доведении до контрапартнеров не только своих политических, экономических позиций, но и культурно-идеологических приоритетов. Перспективы диалога во многом зависят от сближения взглядов его участников на суть и цели человеческого прогресса как прогресса Знаний. Причем данный процесс не описывается прямой линией роста. Очередным подтверждением тому является парадокс современности: на фоне глобальных усилий по строительству информационного общества знаний и создания больших баз данных наблюдается тотальное невежество людей в ряде жизненно важных областей. Более того, известные авторы предрекают даже, что новейшие технологии могут иметь тяжелые последствия в виде возвращения «темных веков», когда знания и культура существуют, но почти утрачены, а общество становится менее цивилизованным и более иррациональным.

Действительно, в XXI в. культурное и теологическое невежество достигло беспрецедентно низкого уровня. Исследование Форума по вопросам религии и общественной жизни оценило знания американцами своих собственных систем верований и систем верований других людей на основе вопросника из 32 пунктов. Атеисты и агностики правильно ответили в среднем на 20,9 вопроса. Евреи и мормоны набрали 20,5 и 20,3 балла соответственно, в то время как протестанты в целом правильно ответили на 16 вопросов, а католики – только на 14,7 (U.S. Religious... 2017). Учитывая приведенные данные об уровне знания американцами собственной религии, их понимание «противоположной» веры вызывает сомнения. Таким образом, великое наследие европейского гуманизма, отразившееся ранее в творчестве, искусстве, гуманитарных науках, росте научных знаний, а также в многогранном подходе к искусству управления и образования, осталось в прошлом.

С другой стороны, в мире наблюдаются некоторые обнадеживающие тенденции. Они способны придать импульс возобновлению международным сообществом усилий по обеспечению перехода от монолога к диалогу, обсуждению принципов нового мирового порядка.

«Если внимательнее посмотреть на человеческую историю, мы обнаружим, что ранее цивилизации постоянно контактировали друг с другом, вырастали и развивались благодаря этим контактам. Это и есть то, что называется “диалогом между цивилизациями”. Диалог в действительности подразумевает взаимообмен, а не *коммерцию*» (Hattori 2006: 53).

Концепция межкультурного диалога возникла, когда Генеральная Ассамблея ООН провозгласила 2001 год Годом диалога между культурами Организации Объединенных Наций в ответ на предложение Президиума Исламского саммита в 1998 г. Диалог цивилизаций довольно хорошо институционализирован в международной системе: ООН провозгласила 2001 г. Годом диалога цивилизаций; Европейская комиссия учредила Консультативную группу высокого уровня по европейско-средиземноморскому диалогу в 2004 г.; Инициатива Альянса цивилизаций и Группа высокого уровня ООН по диалогу цивилизаций были созданы в 2006 г. Исламский саммит уполномочил Исламскую организацию по образованию, науке и культуре (ИСЕСКО) осуществлять все программы в исламском мире, связанные с межкультурным диалогом. Для поддержания диалога были разработаны соответствующие модальности и специальные стратегии ИСЕСКО. Кроме того, в этой сфере активные усилия предпринимают известные международные НПО, такие как Фонд диалога между цивилизациями, Центр диалога, Евро-средиземноморский фонд Анны Линд для диалога между культурами.

«В отсутствие четко определенных норм для диалога между последователями религий, культур и цивилизаций на основе незыблемых гуманитарных принципов и уважения духовных, культурных и цивилизационных ценностей, присущих небесным посланиям и их учениям, ...мировой порядок не смог достичь своей гуманитарной цели» (Abdulaziz 2015: 8). Поэтому, по мнению экспертов, ключевые подходы сторон и темы повестки дня, которые будут обсуждаться в рамках диалога, должны быть заранее согласованы. При этом, как показано выше, трансверсальные (а не универсализированные) моральные ценности следует включить в число приоритетных пунктов повестки. Такая общая платформа и позитивный фон позволили бы сторонам конструктивно и эффективно двигаться дальше.

Выводы

В этой статье показано, что в контексте отношений Востока и Запада Евразийская степь служила вплоть до конца XVI в. не только местом обмена инновациями, идеями, товарами и искусством, но и в качестве их *источника* для многих народов. Возрастание научного интереса к важности Степи для изучения международных отношений и культуры мира весьма обнадеживает. Однако пока такой интерес не оказал существенного влияния на стереотипное представление о кочевом цивилизационном наследии. Именно поэтому, будучи убежденным, что многие клише в ближайшее время разрушатся, автор провел данное исследование, чтобы «высветить» и предварительно обосновать новую область исследований: влияние моральных качеств кочевников на систему ценностей других народов. Возрождение древнего гуманистического наследия кочевников, включая механизмы социальной солидарности, взаимной поддержки, а также принципов равенства и справедливости особенно актуально, учитывая их деградацию в настоящее время. В будущем это может привести к интересному дискурсу об общих ценностях и идентичности оседло-кочевых, а также исламо-христианских обществ как основы трансверсальных ценностей. Последние должны быть в центре глобальной повестки дня, так как насильственная неолиберальная идея «все на продажу» наносит ущерб всем аспектам человеческой деятельности и становится все более неадекватной. В свою очередь, дипломатия, как практика знаний, должна больше ориентироваться на осознание культурных и исторических нюансов в качестве ключевого навыка дипломатов. По крайней мере, такой навык должен цениться наравне с мастерством в процессе принятия технократических решений и их реализации.

Литература

- Алаев, Л. Б. 1982. *Опыт типологии средневековых обществ Азии*. М.: Наука.
- Ханыков, Я. В. 1852. Разные бумаги генерал-майора Тевкелева об Оренбургском крае и киргиз-кайсацких ордах. *Временник Московского общества истории и древностей российских*. Кн. 13. М.
- Abdulaziz, A. O. 2015. *The Alliance of Civilizations and Building a New World Order*. N. p.: IESCO.

Anca, C. de. 2012. *Beyond Tribalism. Managing Identity in a Diverse World*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire; New York: Palgrave Macmillan.

Atwood, Ch. P. 2004. Validation by Holiness or Sovereignty: Religious Toleration as Political Theology in the Mongol World Empire of the Thirteenth Century. *The International History Review* 26(2): 237–256. DOI: 10.1080/07075332.2004.9641030.

Barfield, Th. J. 1989. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China*. Oxford: Basil Blackwell.

Beckett, A. 2019. The New Left Economics: How a Network of Thinkers is Transforming Capitalism. *The Guardian* June 25. URL: www.theguardian.com/news/2019/jun/25/the-new-left-economics-how-a-network-of-thinkers-is-transforming-capitalism.

Beckwith, Ch. I. 2011. *Empires of the Silk Road: a History of Central Eurasia from the Bronze Age to the Present*. Princeton: Princeton University Press.

Bonora, G. L. 2010. *Guide to Kazakhstan. Sites of Faith, Sites of History*. URL: www.academia.edu/17234290/Guide_to_Kazakhstan_Sites_of_Faith_Sites_of_History.

Book Notes. 1978. *American Anthropologist* 80(3). URL: www.jstor.org/stable/677098.

Britannica. 2019. Scythian. *Encyclopædia Britannica*. URL: www.britannica.com/topic/Scythian.

Brown, W. 2006. *Edgework: Critical Essays on Knowledge and Politics*. Princeton: Princeton University Press.

Brzezinski, Z.

1970. *Between Two Ages: America's Role in the Techno-tronic Era*. New York: The Viking Press.

1997. *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. New York: Basic Books.

Bulliet, R. W. 2004. *The Case for Islamo-Christian Civilization*. New York: Columbia University Press.

Bury, J. B. 1897. The Turks in the Sixth Century. *The English Historical Review* 12(47): 417–426.

Constantinou, C. M. 2013. Between Statecraft and Humanism: Diplomacy and Its Forms of Knowledge. *International Studies Review* 15(2): 141–162. DOI: <https://doi.org/10.1111/misr.12037>.

Craughwell, Th. J. 2008. *How the Barbarian Invasions Shaped the Modern World: the Vikings, Vandals, Huns, Mongols, Goths, and Tartars Who Razed the Old World and Formed the New*. Beverly, MA: Fair Winds Press.

Cultural Diversity and Transversal Values: East-West Dialogue on Spiritual and Secular Dynamics. 2006. N. p.: UNESCO.

Donnelly, A. S. 1975. Peter the Great and Central Asia. *Canadian Slavonic Papers. Revue Canadienne Des Slavistes* 17(2/3): 202–217. DOI: 10.1080/00085006.1975.11091405_

Dunn, S. P. 1978. Front Matter. *American Anthropologist* 80(1): 1–4. DOI:10.1525/aa.1978.80.1.02a00000.

Enfield, N. 2017. We're in a Post-Truth World with Eroding Trust and Accountability. It Can't End Well. *The Guardian* November 16. www.theguardian.com/commentisfree/2017/nov/17/were-in-a-post-truth-world-with-eroding-trust-and-accountability-it-cant-end-well_

Evangelii Gaudium: Apostolic Exhortation on the Proclamation of the Gospel in Today's World Francis. 2013. November 24. URL: w2.vatican.va/content/francesco/en/apost_exhortations/documents/papa-francesco_esortazione-ap_20131124_evangelii-gaudium.html.

Favereau, M. 2018. The Golden Horde and the Mamluks: the Birth of a Diplomatic Set-Up (660–5/1261–7). In Bauden, F., Dekkiche, M. (eds.), *Mamluk Cairo, a Crossroads for Embassies*. Leiden: Brill. URL: https://doi.org/10.1163/9789004384637_008.

Frank, A. G. 1992. *The Centrality of Central Asia*. Amsterdam: VU University Press.

Fukuyama, F.

1992. *The End of History and the Last Man*. New York: Free Press.

2016. America: The Failed State. *Prospect Magazine* December 13. URL: <https://www.prospectmagazine.co.uk/magazine/america-the-failed-state-donald-trump>.

Gertyk, O. 2016. Focus on Tuva: Stunning Treasures – and Macabre Slaughter – in Siberia's Valley of the Kings. *The Siberian Times* February 11. URL: siberiantimes.com/science/casestudy/features/f0212-focus-on-tuva-stun-ning-treasures-and-macabre-slaughter-in-siberias-prehistoric-valley-of-the-kings/?comm_order=&c_page=2.

Golden, P. B. 1980. *Khazar Studies: an Historico-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars*. N. p.: Akadémiai Kiadó.

Gordon, C. D. 1993. *The Age of Atilla: Fifth-Century Byzantium and the Barbarians*. New York: Barnes & Noble.

Hakenbeck, S. E., Evans, J., Chapman, H., Fóthi, E. 2017. Practicing Pastoralism in an Agricultural Environment: An Isotopic Analysis of the Impact of the Hunnic Incursions on Pannonian Populations. *PLoS ONE*. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0173079>.

Hashem, M. 2004. Social Capital, Civil Society, and the Question of Values. *Center for Global Studies & Islamic Studies Program* September 24.

Hattori, E. 2006. The Silk Road as Routes of Dialogue among Civilizations. *Cultural Diversity and Transversal Values*. N. p.: UNESCO.

Huntington, S. 1993. The Clash of Civilizations? *Foreign Affairs* June 1. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1993-06-01/clash-civilizations>.

Kalivas, D. 1995. Reviews on: Owen Lattimore. Desert Road to Turkestan. New York: Kodansha International. URL: https://www.h-net.org/reviews/show_rev.php?id=6705.

Kazakhs Let Faiths Thrive. 2005. *The Washington Times* February 25. URL: <https://www.washingtontimes.com/news/2005/feb/25/20050225-094306-9016r/>.

Kazinform. 2018. Renowned Kazakh Historian Mulls over Steppe's Values, Ancient Cultures. *Kazinform* November 29. URL: https://lenta.inform.kz/en/reno-wned-kazakh-historian-mulls-over-steppe-s-values-ancient-cultures_a3469713.

Khazanov, A. M. 1994. *Nomads and the Outside World*. Madison: University of Wisconsin Press.

Kradin, N.

2006. *Cultural Complexity of Pastoral Nomads*. URL: <http://socio.ch/evo/Kradin.pdf>.

2018. *Ancient Steppe Nomad Societies*. N. p. DOI: 10.1093/acrefore/9780190277727.013.3.

Linduff, K. M. 2008. Metallurgy in Ancient Eastern Eurasia. In Selin, H. (ed.), *Encyclopaedia of the History of Science, Technology, and Medicine in Non-Western Cultures*. Dordrecht: Springer, pp. 189–222.

Mayor, A. 2016. *The Amazons: Lives and Legends of Warrior Women across the Ancient World*. Princeton: Princeton University Press.

Mazor, A. 2015. *The Rise and Fall of a Muslim Regiment: the Manşūriyya in the First Mamluk Sultanate, 678/1279-741/1341*. Göttingen: V&R Unipress.

Mencken, H. L. N.d. The Meaning of Progress. Stanford: Stanford University. URL: <https://web.stanford.edu/~moore/chapter1.pdf>.

Morgan, L. H. 1877. *Ancient Society: or, Researches in the Lines of Human Progress from Savagery through Barbarism to Civilization*. New York: Henry and Holt Company.

Neumann, I., Wigen, E. 2013. The Importance of the Steppe in the Study of International Relations. *Journal of International Relations and Development* 16(3): 313–330.

Norris, H. 2004. Ibn Battuta on Muslims and Christians in the Crimean Peninsula. *Iran & the Caucasus* 8(1): 7–14.

Not Qualified. 2012. Exposing the Deception behind America's 25 Top Pseudo Experts on Islam. *Muslim Public Affairs Council*. URL: d3n8a8pro7vhnmx.cloudfront.net/nnaac/pages/569/attachments/original/1411496666/MPA-C-25-Pseudo-Experts-On-Islam.pdf?1411496666.

O'Neill, M., Guinan, J. 2019. From Community Wealth Building to System Change: Local Roots for Economic Transformation. Forthcoming in IPPR Progressive Review (pre-publication version). *IPPR Progressive Review*: n.pag.print.

Osterhamme, J. 2006. *The 2005 Annual Lecture "Europe, the "West" and the Civilizing Mission"*. London: The German Historical Institute.

Priscus. Fragment 8. *Fragmenta Historicorum Graecorum, Priscus at the Court of Attila*. N. p. URL: <https://people.ucalgary.ca/~vandersp/Courses/texts/prisfr8.html>.

Scott, C. V. 2019. *Neoliberalism and U.S. Foreign Policy: from Carter to Trump*. New York: Palgrave Macmillan.

U.S. Religious Knowledge Survey. 2017. *Pew Research Center's Religion & Public Life Project*. December 19. URL: www.pewforum.org/2010/09/28/u-s-religious-knowledge-survey/.

Varoli, J. 2002. Scythian Gold From Siberia Said to Predate the Greeks. *New York Times* January 9. URL: archive.nytimes.com/www.nytimes.com/learning/students/pop/articles/09GOLD.html.

Walters, A. 2019. *Edge KZ. The Kazakh Steppe: Ancient Culture Informs Modern World*. URL: <https://www.edgekz.com/kazakh-steppe-ancient-culture-informs-modern-world/>.

Zaibert, V. 2018. The First Horse Herders and the Impact of Early Bronze Age Steppe Expansions into Asia. *Science* 360(6396). June 29. DOI: 10.1126/science.aar7711.